

М. БАХТИН

ПРОБЛЕМЫ
ПО ЭТИКИ
ДОСТОЕВСКОГО

М. БАХТИН

ПРОБЛЕМЫ
ПОЭТИКИ
ДОСТОЕВСКОГО

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ПЕРЕРАБОТАННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ

СОВЕТСКИЙ
ПИСАТЕЛЬ
Москва - 1963

Константичу Александровичу
Федину

Глубокоуважающий?
Константии Александрович!
Ваша поддержка
являлась и есть чудом.
Книга сразу послана в
печать.

глубоко благодарим
Вас за свою учительсв
B. Козинов

Константину Александровичу
Федину
с глубоким уважением
и безмерной благодарностью

5/IX 63

Д. П. Уваров

Н
О
В
А
Я

М. БАХТИН

К
Н
И
Г
А

Творчество
Франсуа
Рабле

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА“

М. БАХТИН. ТВОРЧЕСТВО ФРАНСУА РАБЛЕ. М. 1965 (IV квартал). „Художественная литература“. 30 печ. л., 1 р. 42 к. (ориентировочно).

Книга Михаила Михайловича Бахтина о Рабле — одно из интереснейших явлений, открывающих в нашей науке о литературе новые страницы. Ее автор широко известен своей книгой „Проблемы поэтики Достоевского“ (1963), вызвавшей споры в газетах и журналах, с большим интересом встреченной читателями и распроданной в короткий срок.

Новая работа Бахтина исследует великое произведение французского гуманиста Франсуа Рабле — роман „Гаргантюа и Пантагрюэль“, известный нашему читателю в пре- восходном переводе Н. Любимова.

Ученый раскрывает глубокую связь творчества Рабле с народной культурой его времени — массовыми праздниками, карнавалами, зрелищами, театральными „действиями“. В многосторонней связи „Гаргантюа и Пантагрюэля“ с народным смехом автор и находит ключ к пониманию и анализу удивительного романа Рабле и еще более удивительной его судьбы.

Многие литературоведы и писатели, познакомившись с книгой Бахтина еще в рукописи, высказали о ней свое мнение в печати. Писатель Константин Федин, академик В. В. Виноградов и переводчик Н. М. Любимов писали в „Литературной газете“ 23 июня 1962 года, что труд М. М. Бахтина имеет „первостепенное научное и культурное значение... Его издание явится настоящим торжеством нашей науки о литературе“.

Выход книги в свет предполагается в IV квартале 1965 года.

У В А Ж А Е М Ы Й Ч И Т А Т Е Л Ы

Если эта книга Вас заинтересовала, Вы можете оформить предварительный заказ. Для этого заполните открытку-заказ (наклейте марку, точно укажите свой адрес, фамилию, имя и отчество) и сдайте ее в ближайший книжный магазин.

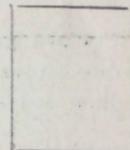
ОТКРЫТКА-ЗАКАЗ

Книжному магазину №

Прошу заказать экз. книги М. Бахтина „Творчество Франсуа Рабле“
и сообщить о ее получении по указанному мною адресу.

Сообщаем, что заказанная Вами книга магазином получена.

Просим выкупить ее в 3-дневный срок. В противном случае книга будет продана.

(город)

(улица, дом №)

адрес (штамп) магазина, принялшего заказ

СТОРИИ...

Материалы публикуются в порядке обсуждения

На страницах «Литературной газеты» состоялось обсуждение книги М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского». Были напечатаны статья А. Дымшица № 82 и статья И. Василевской и А. Мясникова № 93. Публикуя сегодня письмо в редакцию группы литературоведов и ответное выступление А. Дымшица, газета завершает дискуссию о книге.

В редакцию «Литературной газеты»

НЕ ТАК ДАВНО вышло новое, значительно дополненное издание известной книги М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского». Этот содержательный и своеобразный научный труд привлек внимание читателей. Книга М. Бахтина — ценная, но в то же время в ряде моментов спорная работа. Каждый исследователь творчества Достоевского, без сомнения, имеет свои — и нередко серьезные — несогласия с теми или иными положениями этой книги. Поэтому с особым интересом знакомились мы с опубликованной в «Литературной газете» статьей А. Дымшица «Монологи и диалоги», посвященной работе М. Бахтина.

В этой статье содержится ряд обоснованных критических суждений. Так, в книге М. Бахтина действительно недостаточно четко определено своеобразие «художественной позиции» Достоевского; мало в ней показана связь писателя с предшествующей и современной ему русской литературой; вызывает сомнения данное в книге решение проблемы жанровых традиций в творчестве Достоевского и т. д.

Однако в целом статью А. Дымшица нельзя признать удачной. В ней слишком много

досадных противоречий и неубедительных выводов.

С одной стороны, А. Дымшиц, оценивая работу М. Бахтина, утверждает, что «многое из добывшего им для науки останется ее достоянием», что часть художественных открытий, которыми «Достоевский необычайно обогатил... русскую литературу», «тонко определена и изучена М. Бахтыным», что «самое определение романа Достоевского как романа полифонического уже вошло в науку», что «наука всегда будет обязана М. Бахтину» и т. д.

Итак, похвалы достигают высшей степени. Много ли в нашем литературоведении книг, о которых А. Дымшиц решится сказать нечто подобное?

Однако из той же самой статьи мы узнаем, что для книги М. Бахтина характерны «субъективизм утверждений и привычка к формальному мышлению», что автор «вывел» Достоевского «за пределы реалистического творчества», что он стремится «изучать писателя вне связи с общественной жизнью его времени» и «не ищет в большинстве случаев идеологических основ и корней», что М. Бахтин «убежден: не новое видение и понимание мира и человека рождает новые формы художественного творчества, а, наоборот, новая форма вытесняет старую...», что М. Бахтин «в чем-то... весьма существенном... остался... на позициях формализма» и т. д., и т. п.

Думается, что эти два ряда оценок несовместимы и представляют как своего рода «незавершенный диалог»...

Но недоумения на этом не кончаются. Судя по всему, А. Дымшиц всецело принимает идею книги о «полифонической» природе романа Достоевского. И в то же время он столь же явно и целиком отрицает положение о «диалогичности» этого романа и самое понятие о типе «диалогического романа». Это по меньшей мере странно, ибо в книге М. Бахтина термины-понятия «полифонический» — то есть многоголосый — и «диалогический» (а также понятия «гомофонический» — то есть многоголосый — и «монологический») выступают как синонимы, призванные выделить определенные аспекты **одного и того же** художественного качества. Собственно говоря, и сам А. Дымшиц на протяжении своей статьи неоднократно взаимозаменяет эти термины. И это уже полностью запутывает дело.

Далее. А. Дымшиц явно выражает согласие с известной статьей Луначарского, в свое время высоко оценившего работу М. Бахтина. И в то же время критик не раз отвергает те самые мысли, а подчас даже и конкретные высказывания М. Бахтина, которые вызвали одобрение Луначарского. Еще более удивителен следующий факт. А. Дымшиц критикует М. Бахтина за то, что последний, по его мнению, целиком «выводит» Достоевского из западной литературы — в частности, из творчества Шекспира. Между тем это как раз Луначар-

ский писал, что Ш. с Бальзаком — гл. щие предтечи До. М. Бахтин доволы полемизирует с Луначарским (стр. кая небрежность естественно, не мож недоумение).

Весьма неубедит торые конкретные суждения А. Дымшица, новаяясь на отдел он утверждает, чт М. Бахтина, Достоевский полифонический ро «выполнил новое ное задание», раз формальную пробле чтобы опровергнуть точно процитирован ходных положений лифонический рома виться только в скую эпоху. Более благоприятная по была именно в Рос тализм наступил фически и застал не гообразие социаль групп... Этим созда тивные предпосылк ности и многоголоснического романа»

Бросается в глаза противоречие А. Дымшица. С одн критик, полемизирующим, утверждает, Достоевский, но и генев, Лермонтов, Рин и другие великие сатели создавали по (а не чисто «мон романы). (Заметим А. Дымшиц почему что М. Бахтин относят к «монологическим» Чернышевского, есть целый раздел, ривается «полифоническому» мнению М. Бахтина Достоевскому замыслу; как объяснит мательность крит А. Дымшиц считает всю классическую литературу «полифонич ку» М. Бахтина он

Литературная газета № 96 13. VIII. 1964

жиспир наряду
авные, решают-
доевского, а
решительно
той мыслию
46—47). Та-
А. Дымшица,
нет не вызвать

ельны и неко-
критические
лица. Так, ос-
ьной цитате,
о, по мнению
евский, создав
иан, попросту
«художествен-
решил чисто
му. «Для того,
это, доста-
одно из ис-
книги: «...по-
мог осуществ-
апиталистиче-
того, самая
ива для него
ии, где капи-
чи катастро-
троонутое мно-
ых миров и
вались объек-
ты многоплан-
ности полифо-
(стр. 26).

и следую-
в статье
(ной стороны,

и с М. Бахти-
что не только
Толстой, Тур-
Герцен, Щед-
ле русские пи-
лифонические
(стр. 26).
в скобках:
то отмечает,
сит к писате-
го» типа и
ти в книге
где рассмат-
ческий» и, по
родственный
Чернышев-
этот невин-
ника?) Итак,
едва ли не
усскую лите-
ской». Ошиб-
идит в том,

что исследователь, создав верную и плодотворную концепцию полифонического романа, крайне сузил рамки этого романа.

Не будем вдаваться здесь ни в оценку этого мнения критика, ни в вопрос о «полифоническом» и «монологическом» романе по существу. Но нельзя не обратить внимания на другое: в конце своей статьи А. Дымшиц очень резко критикует М. Бахтина за то, что последний, по его словам, «фактически «дискредитирует» монологический роман» как своего рода «низший» и устарелый тип романа. Возникает странное противоречие. Только что не кто иной, как сам А. Дымшиц, отнес к «полифонистам» крупнейших русских классиков, подчеркнул, что все они «решали» полифонические задачи и сумели преодолеть «монологизм» (Толстой, по его мнению, сделал в этом смысле даже «неизмеримо больше», чем Достоевский). Таким образом, А. Дымшиц — хочет он этого или нет — рассматривает «полифонизм» как своего рода «высшую» форму.

Что же получается?

А. Дымшиц на протяжении статьи критикует М. Бахтина и за «недооценку», и за «переоценку» роли полифонического романа... И это уже вообще не легко понять.

Наконец, последнее, но далеко не последнее по важности. Одно из главных достоинств книги М. Бахтина состоит, на наш взгляд, в том, что автор с подлинной глубиной и основательностью критикует и отвергает те тенденциозные толкования творчества Достоевского исключительно в духе реакционной идеологии, которые достаточно широко распространены и сегодня. Уже в самом начале он говорит о том, что в книгах о Достоевском, написанных Розановым, Волынским, Мережковским, Шестовым и другими авторами этого круга (а книги эти и до сих пор очень популярны на Западе), «из конкретных и цельных сознаний героев (и самого автора) вылущивались идеологические тезисы» (стр. 11) — тези-

сы, которые, как известно, имеют отчетливо выраженный антиреволюционный и антикоммунистический характер. М. Бахтин неопровержимо показывает в своей книге, что вовсе не эта реакционная «выжимка» из Достоевского, а в целом художественное содержание его романов, в которых происходит борьба реакционных и бунтарских идей, — романов, дающих широкое и проникновенное отражение духовной жизни тогдашней России и Европы, составляет подлинную суть и ценность наследства Достоевского.

Исследуя на протяжении всей книги эту художественную целостность творчества Достоевского, М. Бахтин высказывает немало спорных и односторонних положений. Но самый его подход к делу (не «вылущивание» тезисов, а анализ художественной реальности) в данном случае бесспорно правлен.

Между тем, А. Дымшиц вменяет в вину М. Бахтину как раз эту его верную позицию. Характерно, что А. Дымшиц в своей статье даже «зашщищает» от критики М. Бахтина идеолога символизма Вяч. Иванова, который именно «вылущивал» из сознания героев Достоевского идеалистические тезисы и усматри-

вал в них истинный смысл творчества художника.

Нет, напрасно А. Дымшиц — пусть даже и в иронической форме — «зашщищает» Вяч. Иванова. Напрасно он —вольно или невольно — пытается повернуть всipy науку о Достоевском.

Обидно, что в статье А. Дымшица не чувствуется живого интереса к самому Достоевскому. Критик не исходит из какой-либо своей позитивной концепции творчества великого русского писателя, а целиком остается лишь в пределах негативной полемики с высказываниями М. Бахтина.

Труд М. Бахтина нуждается в серьезном научном обсуждении. Но для этого, как глубоко своеобразно напоминает редакционная статья журнала «Коммунист» (№ 10 за 1964 г.), нужна атмосфера творческого спора. Как явствует из вышеизложенного, статья А. Дымшица далеко не во всех моментах удовлетворяет этому обязательному условию научной дискуссии. Поэтому мы сочли необходимым высказать свое мнение об этой статье на страницах «Литературной газеты».

В. АСМУС, В. ЕРМИЛОВ,
В. ПЕРЦОВ, М. ХРАПЧЕН-
КО, Виктор ШКЛОВСКИЙ

Восхваление или критика?

В МОЕЙ статье «Монологи и диалоги» критиковался ряд положений книги М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского». Затем появился ответ на эту статью, принадлежащий И. Васильевской и А. Мясникову. Соавторы не только взяли под защиту книгу М. Бахтина, но выступили с восторженной ее оценкой.

Итак, спор, решительное расхождение во мнениях... Нельзя не ответить на статью соавторов.

Начнем не с самого главного — с вопросов цитирования. Соавторы утверждают, что мною односторонне подобран ряд ци-

тат, уязвимых по содержанию. Этому «первому ряду» они противопоставляют другие цитаты. Оценивая книгу, мы не можем подходить к ней с наборами односторонних, взаимоисключающих цитат. Мы не в старинную игру играем: «А мы прошо сеяли, сеяли! А мы просо вытопчем, вытопчем!» Мы имеем дело с научным трудом и должны анализировать его как целое, в данном случае противоречивое.

Еще о цитировании. Оно должно быть точным. Когда соавторы пишут, например, что я напрасно приписываю М. Бахтину расхождение с Белинским в оценке «Двойника»

пишет многоголосое дело, многочленное, то и возникает и разные мнения о нем. Но в классическом романе и определенном разнице романа Достоевского и современного ему не соединяется в единую нить та, что было в романе Достоевского, может быть, самым образом на Западе, проявляется его художественный принцип художественности.

Трудно сказать, зарубежной литературы М. Бахтина. Это не о том, что могучее влияние на Т. Манна. Такое же, но он рабочающим характером, николепно видеть Т. Манна о Достоевском, где она проходила через его современность...». Но в том-то и дело, что через литературную современность Достоевского проходила другая, гораздо более сильная, ведущая традиция, в которой он и «подключился». Это традиция русского реалистического романа (Пушкин, Гоголь, натуралистическая школа, в недрах которой вырос Достоевский), гениально освещенная и теоретически разработанная в сочинениях Белинского. Рядом и вместе шли традиции реалистического романа Запада (Бальзак, Диккенс и др.), традиции европейского романтизма и утопического социализма.

Вопрос третий исследовать позицию отдельных членов традиций, действующих в разных странах. Их взгляды, конечно, различны. Искусство Достоевского и решения политической жизни временем, оторвавшимся от России, было связано всеми мечтами о лучшем мире, проходившем через первую мировую войну.

Вопреки утверждению М. Бахтина в социальной деятельности делает «выходы». Говорят, что полифоническое произведение создано в устистической действительности кретино-исторической поэзии у Бахтина. Раньше это было в эпосе, мифах, напоминая им это что в народной поэзии М. Бахтина соединяется отчетливо выраженным анализом полифонии, всякой литературы внутренне и логично? Такая, в конце 20-х годов, (формально-социологическая) новика и приводит исследование о кретино-историческом

Достоевского, было бы желательно, чтобы это соответствовало тексту книги. Однако в Бахтина говорится: «...это и помешало Белинскому правильно оценить «Двойника» (стр. 66). Когда соавторы пишут, что Бахтин не считал Шекспира, Рабле и других предшественниками полифонии (многоголосия) Достоевского, то снова было бы желательно, чтобы это подкреплялось текстом. Между тем Бахтин пишет: «Шекспир наряду с Рабле, Сервантом, Гриммельсхайзеном и другими принадлежит к той линии развития европейской литературы, в которой вызревали зародыши полифонии и завершителем которой — в этом отношении — стал Достоевский» (стр. 47). Когда соавторы утверждают, что я ошибочно приписал Бахтина недооценку тенденциозности в романах Достоевского, и отсылают нас к стр. 90 книги, заявляя, что там Бахтин пишет, что роман без тенденции вообще невозможен, то было бы естественным увидеть именно это на этой странице. А между тем там говорится, что «вообще невозможен» «роман без авторской позиции». И это совсем не то же, что тенденция, ибо — как я уже писал ранее — для М. Бахтина авторская позиция отнюдь не тенденция, а «художественная позиция», «формы художественного видения».

Но цитация — это, так сказать, из области методики. Обратимся к сферам более важным — к областям идейных проблем и методологии исследования.

Соавторы упрекают меня в том, что я не дал «разбора книги» Бахтина. Между тем я книгу не рецензировал, а отзывался на некоторые освещаемые в ней проблемы, имеющие существенный интерес для литературной современности, для современных творческих споров, например, для споров о романе, идущих на международных форумах и в международной печати. Остановлюсь еще раз на некоторых актуальных проблемах.

Вопрос первый — о тенденциозности творчества Достоевского. Этот вопрос приобретает важное значение, поскольку Бахтин считает, что современный роман — во всяком случае западный — вышел весь из Достоевского. В этом есть известное преувеличение, но влияние Достоевского велико, — в нем сказываются и сильные и слабые стороны мировоззрения и творчества огромно-

го и, на мой взгляд, всегда страстного тенденциозного художника.

Соавторы упрекают меня в том, что я, поддерживая мысль о полифоничности романов Достоевского, якобы отвергаю мысль о их диалогичности. Я считаю, что М. Бахтина, наряду с глубоким анализом языка Достоевского и с рядом интересных наблюдений над поэтикой, принадлежит часть открытия полифонической структуры его романов. Мне, разумеется, вполне понятно, что в полифонии естественно включаются диалоги. И тем не менее я не могу согласиться с М. Бахтиным в понимании природы диалогичности у Достоевского. Исследователь считает, что диалоги у Достоевского имеют всегда «незакрытый», незавершенный характер, что герой его романов живут как бы самостоятельной жизнью, что голос автора и звук автора как бы «равновесчены» голосам и устремлениям героя романа. Мне же представляется, что Достоевский нигде и никогда не упускает своих «дирижерских» или «суплерских» функций, что сквозь «хаос» многоголосия, сквозь мучительно трудные диалоги, сквозь «pro» и «contra» великий художник неизменно стремится к утверждению своих социально-нравственных идей, особенно близких и ценных для нас тогда, когда эти идеи оказывались здоровыми и сильными.

Однако пишет в своем убеждении, что М. Бахтин недооценивает организующей роли идейно-нравственной тенденции у Достоевского? Он заявляет, что нет. Еще А. В. Луначарский, на которого так уверенно хотят опереться наши соавторы, видел эту опасность. В первом издании книги М. Бахтина говорилось: «Сочетание неслыханных голосов является (для Достоевского). — А. Д.) самоцелью и последней данностью». Луначарский же предупреждал, «что все построение о «полноценности голосов» действующих лиц Достоевского то есть об их совершившейся независимости от самого автора, должно было бы быть приурочено к семье существенными оговорками». Это было в 1929 году.

Прошли годы, вышло новое, дополненное издание книги М. Бахтина. Фраза о диалогичности как самодельке из него, кажется, ушла. Но смысл ее остался, ибо диалогичность понимается как «незакрытая», никогда до конца не завершающаяся. И эта мысль, естественно, вызывает возражения, несогласия. Она подводит кипятку к неверному суждению о бестенденциозности Достоевского, — более того, она рекомендует художникам тип «бестенденциозного» романа. Кстати, М. Бахтина упрекают в отрицании тенденциозности у Достоевского и Г. Фридлендер в недавно вышедшей книге «Реализм Достоевского» (см. стр. 189), и Б. Бурсов в только что вышедшей статье «Толстой и Достоевский».

Вопрос второй — романы Достоевского, их место в русском реализме, их традиции и традиции, ими утверждаемые. Не будем повторять все, что мною уже было сказано о тех натяжках, к которым М. Бахтин прибегнул, связывая поэтику Достоевского с античной мениппеей и карнавалом. Мои критики и тут послушали следуют за М. Бахтиным. Они цитируют: «Достоевский подключился к цепи данной жанровой традиции (мениппеи). — А. Д.) там, где она проходила через его современность...». Но в том-то и дело, что через литературную современность Достоевского проходила другая, гораздо более сильная, ведущая традиция, в которой он и «подключился». Это традиция русского реалистического романа (Пушкин, Гоголь, натуралистическая школа, в недрах которой вырос Достоевский), гениально освещенная и теоретически разработанная в сочинениях Белинского. Рядом и вместе шли традиции реалистического романа Запада (Бальзак, Диккенс и др.), традиции европейского романтизма и утопического социализма.

Соавторы пытаются убедить нас в том, что М. Бахтин связывает Достоевского с традициями русского реализма. Но это не так. Наоборот, у М. Бахтина Достоевский противопоставляется всей русской литературе. Русский роман именуется романом монологическим, в котором — в отличие от романов Достоевского — все подчинено якобы одному голосу. Однако нельзя не видеть, что диалогизм и многоголосие не являются монополией одного лишь Достоевского в русской литературе его времени. Многоголосие есть и у Л. Толстого в «Войне и мире», «Анне Карениной», «Воскресении», и у Тургенева в «Отцах и детях» или «Нови», и в «Что делать?» Чернышевского (а вовсе не только в замысле одного незавершенного романа, который отметил М. Бахтин, тем самым отнеся всю завершенную прозу Чернышевского к монологическому роману).

«свое». Вот тересные зада-
ческие типы
лическом рус-
скому своеоб-
разному. М. Бах-
тин. От До-
стоеевского он
также на За-
еме, — пишет
всего являет-
влияние влете-
ния... порабо-
тана воли, от-
лифнический
ного мышле-

такие явления
ры имеет в ви-
дении упомина-
ния Достоевско-
влияние, разу-
не носило «по-
теря, о чем ве-
ствует статья
ком. Здесь ско-
ро переосмысле-
ием же можно
и в отношении
етской литерату-
рой жизни Клим
Бахтина Гарь-
кин более чем в...

— можно ли
ику, условно
крайне-истори-
чески? На мой
мальзя отделить
всего, его по-
лит литературно-
и борьбы его
его от крово-
с которой он
сердцем, от той
будущем, кото-
рого его творчес-
чины до послед-

нию соавторов.
ную действи-
тельность отдельные
и, в частности,
роман мог
виях капитали-
стичности. Но кон-
рассмотрения
нет. Общая ха-
рактеристика
остается упо-
лнием. Не пото-
м из изданий кни-
ганилась мысль,
сенная в ее пер-
нову настоящее-
но убеждение,
ное произведе-
ние социон-
ики говорили в
«форсоцевская»
ическая) уста-
тому, что фор-
мировано от кон-
реальности.

левской и А. Мясниковым, а
проблемы формы надо изучать
самым активным образом. Но за-
чем же подходить к ним внеистори-
чески? Ведь именно внеистори-
ческий подход привел к тому, что
Достоевский оказался отделенным
от всего того, чем он трепетно
«болел», от политической борьбы,
от литературных битв. Отвлечен-
ность от живой диалектики лите-
ратурных процессов приводит к
тому, что вынашиваются и утвер-
ждаются мысли, которые не под-
даются самой элементарной логике.

Ну можно ли писать о произ-
ведении реалистического искус-
ства, как это делает Бахтин, что
«идея здесь... не принцип изобра-
жения», а предмет изображе-
ния? Можно ли доводить про-
тивопоставление монологического
и диалогического мышления до
абсурда, утверждая, «что в мире
Достоевского и согласие сохраня-
ет свой диалогический характер,
то есть никогда не приводит к
слиянию голосов и правд в еди-
ную безличную правду, как это
происходит в монологическом ми-
ре? Следует согласиться с тем, что
у Достоевского нередко (ко-
нечно, не всегда) даже достигнутая
гармония не исключает даль-
нейшей борьбы идей. Но можно
ли называть носителями безлич-
ной правды всех, кого М. Бахтин
искусственно определил в моно-
логисты? Ведь речь идет ни бо-
лее ни менее, как, например, о
Л. Толстом.

М. Бахтин — человек талантливый, писатель яркий, исследователь зоркий. Он много подметил интереснейших деталей. Он написал свою книгу свежо и страстно. Но его «под-
авили» пережитки формалистиче-
ского мышления. Формалистические
пережитки — это мне хочется осо-
бенно подчеркнуть — вовсе не
только остатки ОПОЯЗВОВСКИХ тео-
рий, но и вообще пережитки раз-
ного рода формально-логиче-
ских конструкций, и в частности
пережитки модной в двадцатых го-
дах в Германии формалистической
поэтики жанра, которая «позволяла

и, наконец, еще один вопрос,
— последний — о некоей магии

этого — это созданы учеными
безуказанные книги М. Бах-
тина и статьи А. В. Луначарского,
связанной с ее первым изда-
нием. Наши соавторы также кля-
нутся и заклинают этой статьей.
Хочется сказать следующее: ста-
тья А. В. Луначарского, как все,
что он писал, талантливая, изо-
билиющая точайшими мыслями,
далеко не бесспорна. Я со-
смался на эту статью, в которой
справедливо поддержана мысль о полифоничности романов До-
стоевского. Но я не могу не видеть, что в ней есть переоценка
книги М. Бахтина, идущая от ув-
личения его новациями, как есть
в ней и явное умаление ряда рус-
ских классиков.

Не нужно оперировать статьей
А. В. Луначарского как незыбле-
мым, «директивным» докумен-
том. Луначарский этого не любил.

С другой стороны, нельзя распрос-
транять оценку Луначарским кни-
ги М. Бахтина на второе ее издание,
как это в сущности, делается соав-
торами. Луначарский не читал большей
главы «Жанровые и сложетно-
композиционные особенности про-
изведений Достоевского», в которой
М. Бахтин поставил Достоевского в
зависимость от менипповой сатиры и
карнавала, он не видел новых
страниц книги, в которых заострено
противопоставление монологическо-
го и диалогического мышления. Надо
уважать память замечательного
литературоведа и критика и не делать
его ответственным за эти ново-
введения в книгу, о первой редак-
ции которой он некогда отзывался.

Настойчиво утверждается так-
же репутация книги М. Бахтина
как одной из лучших книг о До-
стоевском. Я — не «достоевско-
вед», в отношении наследия До-
стоевского я не более чем думаю-
щий, литературоведчески подготовленный читатель. Достоевский
мне дорог. Я знаю, что жить по
Достоевскому нельзя, но жить без него — моего «мучителя» и
«врачевателя» — я не могу. Как
правило, я читало книги, посвя-
щенные этому писателю.

У нас есть много вышедших
за последнее время хороших
книг о Достоевском. Завершил,
после долгих исканий, свою ра-
боту о нем В. Ермилов, написал

вым, пытавшимся
Долинина, вышла научно- попу-
лярная биография, созданная
Л. Гроссманом, появились книги
М. Гуса, В. Кирпотина, Г. Фрид-
лендера и других. Я назвал кни-
ги разные и хорошие. Книга о
поэтике Достоевского, марксист-
ский труд о проблемах его худо-
жественной формы будет еще на-
писан. И будущий автор этой бу-
дущей работы найдет, что почер-
пнуть у М. Бахтина, но найдет у
него и многое, что он опроверг-
нет, отвергнет.

Я убежден, что книга М. Бах-
тина нуждается не в восхвалени-
ях, а в деловой критике. Я не
намеревался выводить ее за рам-
ки спора и рад тому, что о ней
идет спор. Поэтому мне хочется
поблагодарить моих оппонентов
(с которыми я не мог — увы! —
согласиться) за их полемический
отклик на мою статью. Обе «стороны» хотят вполне искренне раз-
обраться в нелегких проблемах,
связанных с работой М. Бахтина.

И это самое важное!

Ал. ДЫМШИЦ

Р. С. Уже после того как эта
статья была написана, меня позна-
комили с поступившим в «Лите-
ратурную газету» письмом пяти авторов
в защиту книги М. Бахтина.

Многое из сказанного в ответе
И. Васильевой и А. Мясникову
освобождает меня от необходимости
отвечать на это письмо. Повторять-
ся я не хочу.

Скажу лишь, что меня опечалила
одна деталь в этом письме пяти
уважаемых ученых и литераторов.
Я имею в виду упрек, что я якобы
«защитила» идеолога символизма
В. Ч. Иванова. Всякий, читавший
мою статью, без труда заметит, что
В. Ч. Иванов назван мною философом-ИДЕАЛИСТОМ.

Без всяких оснований обвинив
меня в симпатиях к известному ре-
акционеру, пять авторов письма по-
рабочали, чтобы в дискуссиях со-
блюдалась «атмосфера ТВОРЧЕСКО-
ГО спора». Требование превосход-
ное. Но разве оно не нарушено ими
самиими?

А. Д.

ЛИТЕРАТУРНАЯ
ГАЗЕТА

стр. 3

13 августа 1964 г.

№ 96

Монологи и диалоги

ПРОЧИТАНА книга... Впервые я читал ее тридцать пять лет назад.

Это книга М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского», переизданная с дополнениями и правками не так давно.

В книге М. Бахтина немало верных мыслей, соображений, наблюдений. Это труд ученого. И многое из добьтого им для науки останется ее достоянием. Самое определение романа Достоевского как романа полифонического уже вошло в науку. Его по справедливости признал еще А. В. Луначарский. Литературная наука всегда будет обязана М. Бахтину за множество тончайших наблюдений над поэтикой и языком Достоевского.

Примеры «находок» у М. Бахтина можно приводить долго. Но не о том статья, не в том задача этой статьи. Расхождения с М. Бахтиным серьезные и принципиальные. Они лежат в сфере эстетики, в области методологии. Это спор, направленный против формального, метафизического мышления, против субъективистских и формалистических мотивов в исследовании.

Книга М. Бахтина — произведение с широкими концепциями. За рассуждениями о романе у Достоевского стоит обобщающая мысль, стремящаяся охватить теорию и историю романа вообще. М. Бахтин видит в литературе как бы два типа романа — монологический и диалогический. Роман Достоевского, по мысли исследователя, не только полифоничен, он роман диалогический. «...для Достоевского», — пишет М. Бахтин, — все в жизни диалог, то есть диалогическая противоположность». Иначе говоря, Достоевский выступает под пером исследователя как художник, никогда не приходящий к

Александр ДЫМШИЦ

конечным выводам. И герои Достоевского, как утверждает М. Бахтин, также не выходят из состояния спора, также находятся в непрерывных диалогах.

Итак, два типа романа, два типа мышления: монологическое и диалогическое. Монологический художественный мир — это мир, подчиненный авторской идеологии. Он, полагает М. Бахтин, «не знает чужой мысли, чужой идеи как предмета изображения». «Идеология, — пишет он, — как вывод, как смысловой итог изображения, при монологическом принципе неизбежно превращает изображенный мир в безгласный объект этого вывода».

Совсем иное роман диалогический. О нем мы узнаем из мыслей автора о Достоевском. Оказывается, «...герой Достоевского — бесконечная функция». «Его самосознание живет своей незавершенностью, своей незакрытостью и нерешенностью». Более того — и сам Достоевский весь в незавершенности, в нерешенности, в «незакрытости». Он в постоянном диалоге с самим собой, со своими героями. И его герой поэтому — «мир полно-правных субъектов, а не объектов». Достоевский создает «не безгласных рабов... а свободных людей, способных стать рядом со своим творцом, не соглашаться с ним и даже восставать на него». И это о Достоевском — одном из самых тенденциозных писателей! О Достоевском, который всегда боролся, всегда «учительствовал» в искусстве, все «диалоги» которого всегда стремились к утверждению конечной идейной задачи...

Но отвлечемся немного от Достоевского, спросим у М. Бахтина: кто же представляет в литературе роман монологический, кто эти творческие антиподы Достоевского? И тут окажется, что это роман романтического типа, роман Просвещения, весь европейский утопизм (а ведь с ним — да простится нам — теснейше связан весь ранний Достоевский), весь русский роман до Достоевского и вся русская литература, современная Достоевскому. Итак, «монологисты» — это Пушкин, и Гоголь, и Гончаров, и Тургенев, и Лев Толстой, и Герцен, и Щедрин... И уж, конечно, Чернышевский... Это все они решительно чужды полифоничности (хотя «Война и мир», право же, обладает своей, Толстому свойственной полифонией), это они неспособны, как монологисты, превратить чужую мысль в предмет изображения (хотя Тургенев блестяще решал эту задачу в «Накануне», «Отцах и детях», «Нови», хотя эту задачу решали и Лермонтов, и Герцен, и Щедрин). Так утверждает М. Бахтин.

И все же не хочется соглашаться с М. Бахтиным. Не хочется соглашаться с тем метафизическим противопоставлением мышления монологического (у автора и у героя) мышлению диалогическому. Не хочется соглашаться с тем, что в русской литературе Достоевский якобы не имел предшественников в области полифонии (а были ими Данте, Шекспир, Рабле, Сервантес, Гриммельсгаузен — имена прекрасные, но вряд ли единственные). Не хочется соглашаться с версией о бестенденциозности Достоевского, столь гневного, столь страстного художника, для которого тенденция всегда играла решающую роль в творческом

акте. Нет, нельзя согласиться с тем, что «основной катхартический видение евского было не становление, существование и взаимие». Нет, нет, напрасно думает нас М. Бахтин, что Достоевский стоял «над схваткой он по самой природе свое

дился как бы вне борьбы. **НЕЛЬЗЯ** согласиться с картиной литературоведа связей Достоевского, при этом оказывается, в сущности, она в какой-то мере ложна. «Форма Icherzählnung питанской дочки» бесконечного от Icherzählnung «Западного подполья», даже если мы абсурдно отыслим (а зачем бы А. Д.) содержательное значение этих форм. Рассказ Пушкина строится Пушкиным в тономонологическом кругозоре.

Достоевский и Гоголь... Тинтон тонко показывает все специальные различия этихников, но практически не рассматривает их связей. М. Бахтин вступает влемику с Белинским, видя эти связи, пытается опровергнуть известную и глубоко правильную оценку Белинским «Дво-

достоевский и Лев Толстой». Здесь уже дело доходит до заседания Толстой, неизмеримо «метавшийся» в поисках венных ответов в свою промежуточную пору, чем Достоевского же времени, объявленный «монологистом». логически наивная точка Толстого и его слово про повсюду, во все уголки мира, все подчиняя своемуству». — утверждает М. Бахтин и утверждает это на основе сопоставительного анализа романов Толстого и Достоевского, а противопоставляя им романы Достоевского новеллистические произведения Толстого между тем «Анна Каренина»

Л. Журн № 82 11. VII. 1964

я с
рией
исто-
е, а
жда-
гоев-
что
иахо-

той
ных
орой
вне
уры.
и ду-
олее
циа-
«Ка-
дик
из
ракт-
о? —
лнне-
нава
рдом

Бах-
ници-
дож-
одит
олее
по-
шшим
нуть
ную
ика».
гой...
курь-
льше
авст-
пере-
ский
чи-
лоно-
ения
нают
ра и
един-
Бах-
на
нали-
тоев-
роматиче-
. А
» ни-

как не укладывается в схему, изобретенную М. Бахтиным.

Достоевский был художником глубоко национальным, жившим прежде всего вопросами русской жизни. Это, разумеется, никогда не мешало ему волноваться и вопросами международного масштаба, мучительно переживать социальные проблемы европейского Запада. Но корни творчества Достоевского лежали в русской жизни и в русской литературе. Достоевский необычайно обогатил своими художественными открытиями (часть которых тонко определена и изучена М. Бахтиным) русскую литературу. Но свершил он это, развиваясь в традициях русского реализма, а не наперекор ему. Между тем М. Бахтин не только отъединил Достоевского от русской реалистической традиции, но и рядом своих определений вообще вывел его за пределы реалистического творчества.

Вот одно из характерных для книги М. Бахтина утверждений: «Герой интересует Достоевского не как явление действительности, обладающее определенными и твердыми социально-типическими и индивидуально-характерологическими признаками.. Нет, герой интересует Достоевского как особая точка зрения на мир и на себя самого.. Достоевскому важно не то, чем его герой является в мире, а прежде всего то, чем является для героя мир и чем является он сам для себя самого». Надо ли доказывать, что это решительная напраслина, что здесь исследователя снова подводят субъективизм утверждений и привычка к формальному мышлению? Кто, читавший Достоевского, ощущивший во всей социальной конкретности фигуры Раскольникова, Мармеладовой, Карамазовых, Фомы Опискина, Смердякова, Свидригайлова, поверит этой очередной конструкции монологического воображения? И надо ли убеждать читателя в том, что при создании таких образов Достоевского интересовало не одностороннее восприятие, а

интересовало и «то», и «другое»?

ОТКУДА же идут, отчего возникают странные мифы, порождаемые М. Бахтиным? Я уже попытался отчасти ответить на этот вопрос. Хочу подчеркнуть, однако, что некоторые существенные «мотивы» методологии М. Бахтина весьма определенным образом связаны с некоторыми методологическими принципами формальной школы в литературо-ведении. В том, что это так, нетрудно убедиться, как нетрудно убедиться и в том, что формалистические пережитки в книге о проблемах поэтики Достоевского уже давно нехарактерны для современного литературоведения.

Книга М. Бахтина возникла в период кризиса и крушения формальной школы. В чем-то ее автор стремился уйти от формализма, но в чем-то (и притом весьма существенном) он оставался и — увы! — остался поныне на позициях формализма. Уже самое стремление изучать писателя вне связи с общественной жизнью его времени (только намекая на эти связи, а не исходя из их исследования) достаточно показательно в этом отношении.

В книге М. Бахтина можно встретить оговорки такого порядка, как следующая: «Поэтику нельзя, конечно, отрывать от социально-исторических анализов, но ее нельзя и растворять в них». Конечно, скажем и мы. Но что сказать, если практически М. Бахтин нередко отывает поэтику от социально-исторических анализов и, в частности, отрывает от них анализ поэтики жанра. Но об этом несколько ниже. Сейчас же отметим, что М. Бахтин весьма скептически относится к анализу идеологии, идейного содержания произведений, что он не ищет в большинстве случаев идеологических основ и корней теч или иных художественных решений.

«Литература о Достоевском, — читаем в самом начале книги, — была по преимуществу посвяще-

на идеологической проблематике его творчества. Преходящая (?) острота этой проблематики заслоняла более глубинные (?) и устойчивые структурные моменты его художественного видения». Несколько далее высказываются комплименты одному исследователю (действительно много сдавшему для изучения Достоевского, но вряд ли нуждающемуся именно в такого рода похвалах) за то, что «его интересует не столько идеологическая многоголосность романов Достоевского, сколько собственно композиционное применение контрапункта» (как будто эти моменты исследования могут быть не связаны друг с другом). Особенно комично звучит упрек.. Вячеславу Иванову — его статье в книге «Борозды и межи», насквозь проникнутой философским идеализмом, за то, что он, видите ли, «совершает... типичную методологическую ошибку: от мировоззрения автора он непосредственно переходит к содержанию его произведений, минуя форму».

Надо сказать, что этот посмертный выговор Вяч. Иванову не носит случайного характера. Для М. Бахтина путь от мировоззрения писателя к идейному содержанию его творчества не столь важен, как «художественная позиция», занятая им. При этом «художественная позиция», в сущности, сводится к «формам художественного видения». Совершенно, как встарь у формалистов, процесс художественного творчества ставится с ног на голову. «В нашей работе, — пишет М. Бахтин, — мы попытались раскрыть своеобразие Достоевского как художника, принесшего с собою новые формы художественного видения и потому (!) сумевшего открыть и увидеть новые стороны человека и его жизни!»

Создается впечатление, что М. Бахтин действительно убежден: не новое видение и понимание мира и человека рождает новые формы художествен-

ногого творчества, а, наоборот, новая форма вытесняет старую и создает «новую модель мира». И новаторство Достоевского в области романа есть, по Бахтину, «новаторство» формы. Достоевский, пишет он, выполнил новое «художественное задание»: «построить полифонический мир и разрушить сложившиеся формы европейского, в основном монологического (гомофонического) романа».

Формалистична и концепция жанра у М. Бахтина. Она выражается в мысли о «самодвижении жанра». «Жанр, — замечает М. Бахтин, — представитель творческой памяти в процессе литературного развития. Именно поэтому жанр и способен обеспечить единство и непрерывность этого развития».

Но я уже слышу возражения, слышу ропот: «Зачем вы придираетесь к словам? Кто же может утверждать, что жанр сам рождает жанр?» Увы! — возражение это напрасное. В заключительной главке у М. Бахтина развернута именно такая концепция. А самое введение диалогизма у Достоевского и жанру мениппеи в античном искусстве — не есть ли это пример практического применения теории «саморазвития жанров»? И вот уже начинаются формалистические чудеса. И вот уже оказывается, что диалогизм у Достоевского восходит не только к мениппеи, но и к родственным ей жанрам диатрибы, солилоквиума и симпосиона. И вот уже выясняется, что «Бобок» и «Сон смешного человека» могут быть названы мениппеями, и, более того, «мы можем прямо сказать, что мениппея, в сущности, задает тон всему творчеству Достоевского».

Дальше — большие. Двойники в произведениях Достоевского оказываются связанными с жанром таринного карнавального действа. Засим следует целый каравал догадок: весьма вероятно, то Достоевский знал мениппею Гукиана «Менипп. или Путешествие в загробное царство», и его

же «Разговоры в царстве мертвых». Достоевский, возможно, был знаком с мениппеей Сенеки «Открытие». Такие догадки в области жанра ведут к догадкам в области заимствования приемов (излюбленное занятие формалистов — устанавливать такие заимствования ради самоцели). И вот уже выясняется, что автор «Игрока» шел не ст жизненных наблюдений, а от античного источника: «игра в преферанс впластую, «наизусть», может быть, навеяна игрою Клавдия (из сенековой мениппеи. — А. Д.) в кости в преисподней», а «натуралистическое развенчание смерти у Достоевского напоминает еще более грубо натуралистическое изображение смерти Клавдия, который умирает (испускает дух) в момент испражнения».

МОЖНО было бы сказать — довольно! Но М. Бахтин не дает этого сделать. Он нагромождает один возможный источник за другим — и все для «понимания жанровых традиций Достоевского». И уже начинает исчезать реальный образ Достоевского, и становится он каким-то мозаичным и на себя ничуть не похожим. Традиции «обнаруживаются» и у Буало, и в сатире Гёте «Боги, герои и Виланд», и у Фенелона, и Фонтенеля, и у Дидро... И уже оказывается, что жанровая сторона в знаменитой сцене именин Настасьи Филипповны в «Идиоте» обнаруживает «карнавальные обертоны» и что разные виды карнавальной традиции Достоевский нашел у Вольтера и Дидро, у Фредерика Сулье и Эжена Сю (отчасти и у Дюма-сына и Поль де Кока), у Бальзака, Жорж Санд и Виктора Гюго, у Стерна и у Диккенса... Но, право же, довольно! Хватит! Во всем этом несомненной эрудиции М. Бахтина. Но очевидно и пагубное воздействие на нее пережитков бесплодного формального метода.

Хочу в заключение вернуться к тому, с чего начал, — к вопросу о двух видах романа, о двух типах художественного сознания.

Книга М. Бахтина не только превратно представляет нам художественную позицию Достоевского, изображая его писателем чуть ли не бестенденциозным, безвылазно погрязшим в «незакрытых» диалогах, но, по сути дела, ратует за тип диалогического романа. Она представляет нам такой тип романа как высший и наиболее современный. Она ведет атаку на тип романа, который ее автору угодно называть монологическим.

И хотя М. Бахтин не раз оговаривается, что нельзя считать тот или иной тип высшим, он фактически «дискредитирует» монологический роман и противопоставляет ему диалогический роман, создание которого приписывается им Достоевскому. Вот что читаем мы в книге М. Бахтина: «Правда о человеке в чужих устах, не обращенная к нему диалогически, то есть заочная правда, становится унижающей и умерщвляющей его ложью, если касается его «святая святых», то есть «человека в человеке». «...в области художественного познания продолжают иногда требовать самой грубой, самой примитивной определенности, которая заведомо не может быть истинной. Необходимо отрешиться от монологических навыков, чтобы освоиться в той новой художественной сфере, которую открыл Достоевский...»

Такое противопоставление монологического и диалогического мышления не имеет ничего общего с подлинной наукой, с подлинным творчеством. Путь познания и творчества есть путь закрепления истины, достигаемых и в споре, но он же есть и путь спора, исходящего из достигнутых истин. Монолог и диалог — не антиподы в процессе познания и творчества. Без тенденции нет искусства — это блестящее доказал еще Энгельс. Творчество начинается с общественной определенности писателя, художника — не грубой и примитивной, а тонкой и сложной, но всегда и прежде всего определенности.

Разберемся по существу

И. ВАСИЛЕВСКАЯ,
А. МЯСНИКОВ

СТАТЬЯ А. Дымшица «Монологи и диалоги», опубликованная в «Литературной газете» 11 июля, посвящена книге М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского». Она вызывает много недоразумений.

В ней выдвинуто два положения. Первое: книга Бахтина — это труд учченого. В книге немало верных мыслей, находок. Определение романа Достоевского как романа полифонического вошло в науку. Это признал уже Луначарский. «Литература наука всегда будет обязана М. Бахтину за множество тончайших наблюдений над поэтикой и языком Достоевского» — это за здравие книги. Второе: «Книга М. Бахтина возникла в период кризиса и крушения формальной школы. В чем-то ее автор стремился уйти от формализма, но в чем-то (при том весьма существенном) он оставался и — увы! — остался поньне на позициях формализма». Это уже за уловой.

Читатель ждет объективного разбора книги. Он уверен, что если М. Бахтин сделал значительные открытия, то автор статьи скажет об этих открытиях. Но А. Дымшиц ничего о них не говорит. Ибо они не укладываются в его схему. И невозможно понять, как смог формалист, который только стремился уйти от формализма, сделать открытия, проочно вошедшие в нашу науку. Или формальный метод не мешает таким открытиям?

Всмотримся в доказательства, которыми пользуется А. Дымшиц для обоснования своего второго тезиса.

Если признать справедливыми оба тезиса А. Дымшица, то книга М. Бахтина представляет собой набор кричащих противоречий. Открытия Бахтина, его находки, теория полифонического романа — все это никак не может согласоваться с формалистическими изысканиями, с отрывом Достоевского от социальной почвы, от традиций русской литературы, с мыслями о самодвижении жанра и т. п., которые как будто бы находят Дымшица у Бахтина. Но ни о каких противоречиях книги в статье А. Дымшица вообще ничего не сказано. Все положительные стороны книги Бахтина названы тезисно, все, что, по мнению Дымшица, отрицательно, рассматривается подробно.

Первое издание книги М. Бахтина о Достоевском было сочувственно встречено А. В. Луначарским, опубликовавшим большую статью «О «многоголосности» Достоевского». В самый разгар борьбы с формализмом Луначарский отделил Бахтина от формалистов. Более того, он угадал, увидел антиформалистический характер книги.

Второе издание книги М. Бахтина называется «Проблемы поэтики Достоевского». В ней немало дискуссионного, однако наметившегося более тридцати лет тому назад тенденции оспаривать и опровергать формализм как раз в той области, которую он пытается monopolизировать, — в области анализа художественной формы, на наш взгляд, укрепившейся в книге, хотя у некоторых наших критиков поэтика находится под сильным подозрением. Если кто-то заговорит о поэтике, они сейчас же начинают искать в его словах

формализм. Лет десять назад против этого протестовал К. А. Федин, отмечавший, что «разработка проблем художественной формы ничего общего не имеет с «формализмом». Формализм есть отрижение идеологической природы искусства и отказ от принципа единства содержания и формы. Наоборот — отказ критики от анализа формы есть формализм навыворот, то есть урон идейности советской литературы».

В статье А. Дымшица содержится много цитат из книги М. Бахтина, которыми он пытается доказать, что М. Бахтин стоит на формалистических позициях. Но этим цитатам можно противопоставить другие из той же книги и доказать, что первый их ряд подобран односторонне и не выражает сложности взглядов М. Бахтина на проблемы творчества Достоевского.

А. Дымшиц утверждает, что в книге М. Бахтина Достоевский представлен «писателем чуть ли не бесценденциозным, безвылазно погрязшим в «незакрытых» диалогах», стоящим «над скваткой», находящимся «как бы вне борьбы». «И это о Достоевском,— сокрушается А. Дымшиц,— одном из самых тенденциозных писателей!» «Без тенденции нет искусства», — заявляет критик. Совершенно справедливо; роман без тенденции «вообще невозможен», как утверждает... М. Бахтин на странице 90-й своей книги! И Достоевский, по Бахтину, отнюдь не стоял «над скваткой» и «вне борьбы». М. Бахтин пишет: «Здесь уместно еще раз подчеркнуть положительную активность новой авторской позиции в полифоническом романе. Было бы нелепо думать, что в романах Достоевского авторское сознание никак не выражено. Сознание творца полифонического романа постоянно и повсюду присутствует в этом романе и в высшей степени активно в нем». И Бахтин показывает, как изменяются формы и функции этого сознания в новом романе.

Вся книга М. Бахтина проникнута пафосом гуманизма. Разбираясь в противоречиях Достоевского, Бахтин приходит к выводу: «...главный

пафос го, как со ст борьба челове всех виях ский далек истор насту иметь ально дум, за та и бли иктор лично

А. нальн гория М. Б го со извел М. Б полно этого ности рома ском знани относ глубо его в римо позиц от склад самос образ закле лифици ным фони тив ского чен. Но Е вает полни ся с

1.293
W 93 6.VII.1967

всего творчества Достоевского стороны его формы, так и руны содержания, есть с овеществлением человеческих отношений и человеческих ценностей в условиях капитализма». Да, Достоевский многим ошибался, он был от понимания реальных путей, но он глубоко верил, что время, когда человек будет полное нравственное и социальное право на раскрытие своих мыслей, желаний. Он боролся о человека. И нам понятна эта борьба Достоевского, мы тоже ненавидим те силы, которые обезличивают человеческую природу.

Дымшиц игнорирует функциональный подход М. Бахтина к критике эстетики. Он полагает, что Бахтин отрицает роль авторского в художественном произведении. Но этого нет в книге Бахтина, который говорит, что в оническом романе «функция сознания и формы его активные, чем в монологическом...». Художник в полифоническом романе не подчиняет себе себя героя, не подавляет его, а относится к нему с бережностью и с уважением, раскрывает все стороны самобытности и неповторимости — в этом принципиальная позиция автора, который не уходит изображаемого, — она выражается в процессе движения ярких и противоречивых образов. В этом, по М. Бахтину, выражается единство принципов позиции и диалогичности. Дымшиц готов согласиться с Бахтиным, но он возражает против того, что «роман Достоевского — не только полифонический роман диалогический». Бахтин принципиально подчеркивает диалогическую природу этой позиции: «...голоса здесь остаются самостоятельными и, как таковы, сочетаются в единстве высшего

порядка, чем в гомофонии», и «дело идет о последней диалогичности, то есть о диалогичности последнего целого».

А. Дымшиц пишет, будто бы «М. Бахтин весьма скептически относится к анализу идеологии, идейного содержания произведений». Дымшиц берет под сомнение слова Бахтина о «преходящей» остроте идеологической проблематики творчества Достоевского, не раскрыв, какую идеологию именует преходящей Бахтин: речь идет о преходящей идеологии героев Достоевского и не менее беспощадно — об идеологической раздвоенности личности самого Достоевского. И еще о том, в чем же загадка непреходящего обаяния Достоевского-художника. Бахтин отвечает на это всем содержанием своей книги: «...если Достоевский умер, «ничего не решив» из поставленных эпохой идеологических вопросов, то он умер, создав новую форму художественного видения — полифонический роман, который сохраняет свое художественное значение и тогда, когда эпоха со всеми ее противоречиями отошла в прошлое». Ценность этого видения Бахтин усматривает в его способности раскрывать «такие стороны человека... которые не поддаются художественному освоению с монологических позиций». И думается, что глубоко прав М. Бахтин, когда он утверждает, что «открытие полифонического романа, сделанное Достоевским, переживет капитализм». Ибо человек вечно останется предметом и целью искусства, несущего свои лучшие традиции из глубины веков в наследство гармоничной и свободной личности коммунистического общества. И коммунизм тоже будет нуждаться в отточенных, совершенных средствах художественного выражения. Не беда, что одно из них открыто Достоевским в условиях капитализма, уродовавшего сознание как самой личности Достоевского, так и его героев. Ведь, как подчер-

кивает М. Бахтин, искусство учились и будет учиться «не у Ракшаинникова и не у Сони, не у Ивана Карамазова и не у Зосимы... — учиться нужно у самого Достоевского, как творца полифонического романа». А «достоевщина» эта, по словам Бахтина, «реакционная, чисто монологическая выжимка из полифонии Достоевского», пусть уходит в прошлое как идеология преходящая и обреченная!

По мнению А. Дымшица, Бахтин «отрывает поэтику от социально-исторических анализов» и будто бы вывел Достоевского «за пределы реализмического творчества», тогда как, напоминает Дымшиц, Достоевский развивался «в традициях русского реализма, а не напрекор ему».

Откроем книгу М. Бахтина: «Изключительно резкие противоречия раннего русского капитализма и раздвоенность Достоевского как социальной личности, его личная неспособность принять определенное идеологическое решение... оказались оптимальными условиями для создания полифонического романа...». «Свою новую задачу — «изобразить все глубины души человеческой» — он (Достоевский. — И. В., А. М.) решает «при полном реализме», то есть видит эти глубины вне себя, в чужих душах».

О каком выводе Достоевского за рамки реализма у Бахтина можно говорить, если в книге мы читаем: «...многогранность и противоречивость Достоевский находил и умел воспринять не в духе, а в объективном социальном мире... Многогранность и противоречивость социальной действительности была дана как объективный факт эпохи». В каком выводе Достоевского за рамки реализма можно обвинять М. Бахтина, если он пишет, что «герой Достоевского также не выдуман, как не выдуман герой обычного реализмического романа», что «для Достоевского не существует идей, мыслей, положений, которые были бы иными», что «мечтательство» и «подпольность» — «социально-характерологические черты людей». По Бахтину, самая типичность органических входит (правда, особым образом) в открытый у Достоевского принцип полифонии. «О герое «Записок из подполья», — пишет Бахтин, — нам буквально нечего сказать, чего он не

знал бы уже сам: его типичность для своего времени и для своего социального круга... все возможные моральные определения его личности и т. п. — все это он, по замыслу Достоевского отлично знает сам...» И в другом месте: «Достоевский считает, что для решения... новой задачи (то есть изображения «человека в человеке»). — И. В., А. М.)... требуется особый подход к «человеку в человеке», то есть «реализм в высшем смысле». И, наконец, Бахтин пишет: «Достоевский как художник подымается до обективного видения жизни сознаний и форм их живого сосуществования и потому дает ценный материал для социолога».

Высказывания М. Бахтина свидетельствуют не о том, что он не видит в Достоевском реализма, как утверждает А. Дымшиц, а о том, что он исследует разные школы внутри реализма. Бахтин раскрывает сущность реализма Достоевского: «Все то, что автор-монологист оставил за собою... Достоевский отдает своему герою, превращая все это в момент его самосознания», «предметом же авторского видения и изображения оказывается самая функция этого го самосознания».

Далее А. Дымшиц уверяет, что «формалистична и концепция жанра у М. Бахтина» и что, по мнению Бахтина, Достоевский «шел не от жизненных наблюдений, а от античного источника»; что, по Бахтину, Достоевский (который — напоминает Дымшиц — «был художником глубоко национальным, жившим прежде всего вопросами русской жизни») «оказывается... вне течения русской литературы».

А между тем понимание Бахтиным жанровых, образных, языковых и других художественных традиций основано на принципе их диалектической связи с современностью. Называя жанр представителем творческой памяти в процессе литературного развития, который поэтому и способен обеспечить единство и непрерывность этого развития, Бахтин подчеркивает обусловленность неповторимых разновидностей традиционного жанра прежде всего кон-

крайними социально-историческими условиями их появления. «Значит ли... — спрашивает М. Бахтин, — что Достоевский непосредственно и осознанно шел от античной мениппеи? Конечно, нет!.. Достоевский подключился к цепи данной жанровой традиции там, где она проходила через его современность...»

Своей, особой функцией наделен у Достоевского и материал, родивший его с русскими предшественниками. Бахтин пишет о связи Достоевского с традициями русской литературы: с Пушкиным, с Гоголем, с Чернышевским. «Особое место занимает русская традиция», — подчеркивает он, говоря о карнавальной традиции у Достоевского. И в этом смысле отнюдь не «пытается опровергнуть известную и глубоко правильную оценку Белинским «Двойника», как это кажется Дымшицу. Бахтин дополняет оценку Белинского анализом разной функциональной природы «гоголевского» материала у Гоголя и Достоевского: у Достоевского «распределение этого содержательно одинакового материала между структурными элементами произведения... совершенно иное. То, что выполнял автор, выполняет теперь герой... автор же освещает уже не действительность героя, а его самосознание, как действительность второго порядка».

И еще одно обвинение: будто бы, по Бахтину, Достоевский в русской литературе «не имел предшественников в области полифонии (а были ими Данте, Шекспир, Рабле, Сервантес, Гриммельсгаузен...)». Это не совсем точно. По этому вопросу Бахтин полемизировал с Луначарским, утверждая, что в творчестве западных писателей были лишь элементы полифонии, создание же полифонического романа принадлежит Достоевскому.

Скорее можно согласиться с А. Дымшицем, когда он упрекает М. Бахтина в том, как тот сопоставляет типы монологических и полифонических произведений: Бахтин останав-

ливается только на наиболее «чистых» их образцах (рассказ «Три смерти» Л. Толстого и романы Достоевского). Сам Бахтин подчеркивает, что «в романах Л. Толстого и в его больших повестях дело обстоит... гораздо сложнее», но не анализирует подробно таких явлений искусства, где переплетаются монологические и диалогические принципы...

И последнее: М. Бахтин говорит о двух формах современного романа. А. Дымшиц же видит в этом «атаку на тип романа», который автору книги «угодно называть монологическим». Но Бахтин пишет, что «появление полифонического романа не упраздняет и нисколько не ограничивает дальнейшего и продуктивного развития монологических форм романа... ибо всегда останутся и будут расширяться такие сферы бытия человека и природы, которые требуют именно объективных и завершающих, то есть монологических, форм художественного познания».

ПРОЧИТАНА статья... Что она доказывает? Что М. Бахтин, написавший одно из лучших исследований о поэтике, — формалист? Но, как свидетельствуют приведенные факты, это далеко не так.

Формализм — враг содержательной формы. Он бессилен решить, как раз ту задачу, на монопольное решение которой он претендует. Форма для формалиста мертва. У Бахтина она социально значима. Она не просто «помогает» раскрыть лежащее вне ее «содержание», она сама содержательна. Бахтин противопоставляет формализму не бессильные заклинания и проклятия, а объективный научный анализ. И поэтому книга Бахтина антиформалистична.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА стр. 3